

Певец, выступающий против засилья американского рока

Итальянский певец и композитор Лука Барбаросса — убежденный сторонник национальных итальянских мелодических традиций в песне, непримиримый противник бездуховного американского рока. Его успех среди юных итальянских слушателей показывает, что в этой стране молодежь начинает отдавать предпочтение тому песенному искусству, которое уходит своими корнями в народную музыку и итальянскую национальную оперу с ее блистательными традициями, не перестающими восхищать весь мир.

Альберто ДЕНТИЧЕ

«ЭСПРЕССО», РИМ.

ДОВОЛЬНО экзотических ритмов, довольно певческих коктейлей, напоминающих мешанину из плодов манго, киви и папайи. Приелись и экстравагантные электронные шлягеры, вроде «Красотка, пойдём на пляж», без которой вплоть до вчерашнего дня не обходилась ни одна дискотека на особенно посещаемых молодежью курортах Адриатического побережья. Лозунг нынешнего лета — сменить музыку! По крайней мере таково желание многих тысяч итальянцев в возрасте от 15 до 30 лет, которые, если ве-

рить данным института социологических исследований ДОКСА, в самый разгар шумных предвыборных баталий оторвались от телевизоров, чтобы принять участие в выборах «Певца-87» и «Песни-87». После подсчета голосов выяснилось, что эстрадным идиолом, по крайней мере на нынешний сезон, стал 26-летний уроженец Рима Лука Барбаросса. В традиционном конкурсе на лучший «Диск лета» в Сен-Венсане он был признан абсолютным победителем. Для не очень-то рассчитывавшего на успех Барбароссы то был двойной триумф: победили сочиненная им песня «Роберто» и альбом записанных им пласти-

Лука Барбаросса.

Фото «Эспрессо», Рим.

нок «Совсем как в кино».

Означает ли такой выбор публики протест против надоевших эстрадных штампов? Не будем спешить, как сказал бы знаток певческой эстрады Энцо Янначчи: это всего лишь песенки. И все же факт тот, что после изнурительно долгого и оглушительного шумного телевизионного марафона публика, пресы-

тившись всеми этими роками, диско, «тропическими волнами», отдала предпочтение последнему из романтиков Луке Барбароссе, автору и исполнителю песен и непримиримому противнику рока и легких эффектов, достигаемых с помощью электронной аппаратуры.

Восхождение Барбароссы происходило не приметно, о нем почти не говорили. В 1980 году благодаря поддержке наделенного тонкой интуицией Джанни Раверы римский шансонье записал на пластинку свою первую получив-

шую довольно широкий успех песню «Раздетый Рим» и тем самым совершил решающий переход от состояния «начинающего» (внушающего как надежды, так и опасения) к статусу «популярного певца». В те поры Барбаросса только что окончил технический лицей. Впрочем, он и позже, окончательно сделавшись профес-

сионалом, не утратил искренности и задиристости.

«Барбаросса обладает неким врожденным обаянием, в котором смешиваются искренность и жесткая взыскательность по отношению к своему труду, — написал о певце музыкальный критик «Коррьере делла sera» Марио Лудзато Феджиц. — Это превращает его в представителя некоего «третьего пути» между манерой Франческо Де Грегори и стилем Эроса Рамаццотто». Не случайно первые сигналы о быстром восхождении Барбароссы к вершинам успеха были уловлены уже на последнем фестивале в Сан-Ремо. Однако лишь после выхода альбома «Совсем, как в кино», то есть в самое последнее время, автор и исполнитель этих песен сделался любимцем самой юной части публики.

Что касается причин его успеха, то на первое место Барбаросса ставит маниакально скрупулезную работу над текстами. Он говорит:

— По-моему, бесполезно конкурировать с американцами в области ритмов и экспе-

риментирования со звучанием. Все равно мы никогда не сможем исполнять рок лучше Принса, разве только что перестанем исполнять его на английском языке. Но в ритмическом отношении итальянский язык не слишком подходит для рок-н-ролла. Поэтому естественно стремление сделать ставку на осмысленный текст.

Иными словами, песням с клеймом «Сделано в Италии» пора оторваться от рока. Следует больше искать и черпать в сокровищнице итальянского национального искусства — такова настоящая мысль Барбароссы.

— Ведь это ясно, — подчеркивает он, — что только таким образом мы сможем изобрести нечто действительно оригинальное и в то же время способное рассчитывать также на международное признание. Джанна Наннини, например, принялась по-своему разрабатывать в эстрадной песне мелодические традиции, уходящие корнями в наше оперное искусство, и доказала, что это можно делать вполне органично. И результаты не замедлили последовать.

Ну, а сам Барбаросса из каких источников черпает вдохновение? Кто его образ-

цы и кумиры? Не обижается ли он, когда его называют «внучонком» Де Грегори? — Совершенно нет, — с убежденностью отвечает он. — Мои родственные связи с Де Грегори и Вендитти, то есть с так называемой римской школой пения, очевидны.

Более того, он рассказывает, что когда еще гимназистом ходил слушать Де Грегори, то впервые понял, как можно, сочиняя песни, оставаться самим собой, не подражать общей манере, избегать штампов и обезьяньей имитации американцев.

И сегодня факты, то есть восторг публики, полностью подтвердили его правоту. Барбаросса заслуженно может наслаждаться достигнутым успехом. Он и не пытается скрывать, что от этого ощущения у него кругом идет голова.

— Особенно когда я слышу, как на улице кто-то, пусть даже перевирая, напевает мою песенку; когда рабочий насвистывает мой мотив или мальчишка, не понимая смысла слов, горланит мое сочинение. В такие моменты я говорю себе: а все-таки, черт побери, чего бы это ни стоило, славню заниматься таким ремеслом...